

В.Е. Смирнова

**ДИНАМИКА СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ
ЭТНОНИМОВ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗОВ
XVII–XVIII вв.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена изучению смыслового содержания этнонимов России в письменном дискурсе французов, начиная с XVII в. и до периода активных культурных контактов. Объект исследования – этнонимическая лексема Tartare(s), которая является константой франкоязычных свидетельств, поэтому ее содержание может рассматриваться как часть культурных представлений французов об этническом составе России на данном историческом этапе. Смысловое содержание анализируется с учетом концепции российского лингвиста В.А. Никонова, согласно которой в названии этнических общностей можно выделить несколько планов значений: доэтнонимическое или этимологическое значение; отэтнонимическое, которое может и не развиваться; и собственно этнонимическое, соотнесенное с обозначаемым объектом. Проблемным аспектом определения смыслового содержания этнонимов является неоднозначность соотнесенности названия и обозначаемого им объекта. В результате исследования были выделены основные составляющие смыслового содержания этнонима Tartare(s) такие, как: внешние признаки монголоидной расы; мусульманское вероисповедание; субэтническое деление на казанских, ногайских и крымских татар; разобщенное территориальное расположение; особенности взаимодействия с Россией. Анализ динамики выявил тенденции изменения смыслового содержания этнонима Tartare(s), коннотации которого сдвигаются за указанный период в сторону положительных значений. Образ врага, применительно к этнической общности, в представлении французов меняется на образ союзника и российского подданного. Этому факту способствовали углубление территориальной и культурной разобщенности татар и частичная ассимиляция татарского народа в российской культуре. Опыт прямого или опосредованного культурного взаимодействия позволил французам идентифицировать объекты номинации этнонима Tartare(s) и расширить объем его дополнительных значений.

Ключевые слова: этнонимы; Tartare(s); дискурс французов; монголы; народы России; XVII–XVIII вв.; татарские субэтносы; культурные представления; образ врага; смысловое содержание; культурное взаимодействие.

Смирнова Вера Ефимовна – соискатель, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: veras777@mail.ru).

Этнонимы содержат сведения о территории, истории, культуре, этнических характеристиках народа, которые подразумеваются при упоминании названия данной этнической общности. Способность к образованию разнообразных коннотаций стала причиной формирования разных точек зрения на проблему включения этнонимов в состав ономастической лексики, но исследователи этнонимии не подвергают сомнению богатство смыслового содержания этнонимов. Российской ономатолог В.А. Никонов, полагавший, что названия этнических общностей являются частью ономастического пространства, выделял у этнонимов несколько планов значений: доэтнонимическое или этимологическое значение, которое в процессе существования этнонима часто утрачивается; отэтнонимическое, которое может и не развиться; собственно этнонимическое, соотношенное с обозначаемым объектом [Никонов, 1970: 13]. Иного мнения придерживалась А.В. Суперанская, соглашаясь с В.А. Никоновым в вопросе исследования структуры значений этнонимической лексики. Она полагала, что этнонимы не входят в ономастические категории, и обоснованием этого тезиса является не только их способность к коннотации, но и проблема неопределенности денотата на разных этапах существования названия [Суперанская, 2007: 205–210].

Одно название может присваиваться разным народам. В то же время один и тот же народ может иметь самоназвание и названия, которые ему присвоены другими народами. Французский лингвист Э. Бенвенист, исследуя этимологию слов *раб* и *свободный человек* в разных языках, пришел к выводу, что язык этноса заимствует название раба у другого народа [Бенвенист, 1974: 368]. Таким образом, значения этнонима другого народа располагаются в семантическом поле слова *чужой*: гость, чужестранец, враг.

С учетом данных положений проанализируем этноним *Tartare(s)* в текстах французских авторов Ж. Маржерета и Ж.-Ш. д'Отроша, посетивших Россию в XVII и в XVIII вв. соответственно. Этноним имеет достаточно высокую частотность употребления: 23% и 15% названий всех этнических сообществ каждого документа, что позволяет считать его частью культурных представлений французов о русском географическом пространстве данного периода. Т.Ю. Загряжкина выделяет среди коллективных представлений референтные, которые служат источником знаний, и они необязательно предшествуют индивидуальному опыту [Загряжкина, 2013: 55].

Названия многих этнических общностей – древние слова с утраченной первоначальной семантикой [Суперанская, 2007: 209]. Многие ученые сходятся во мнении, что этнонимическая лексема *тамары* относится к ряду тюркских этнонимов с элементом *-ар*, значение которого восходит к словам *человек, мужчина*. Первый компонент

tat, по версии Д.Е. Еремеева, может быть сопоставлен с тюркским названием древнего иранского населения тат, обозначающего *чужой, иноплеменник* [Агеева, 2000: 293].

Этимология этнонимов чужой культуры, как правило, неочевидна для иностранцев. Но можно предполагать, что в исследуемом историко-культурном контексте слово *Tartare(s)* не было для французов незначимым. До XVIII в. даже для русских многие восточные этнические группы объединялись недифференцированным этнонимом *татары* [Никонов, 1970: 11]. В европейских странах татарами называли прежде всего монголов, которые в XII–XIII вв. покорили часть Европы. По мнению исследователя этнонимов России Р.А. Агеевой, монголы на раннем этапе своих завоеваний приняли имя *татары* и распространили его на население покоренных территорий.

Нашествие монголов наводило ужас на многие народы, и в языках западной Европы этноним *татары* ассоциировался с Тартаром – царством мертвых [Агеева, 2000: 294]. В картине мира западноевропейцев существовала мифическая страна Тартария, которая была синонимом Азии, Сибири или даже всей России. Географ и культуролог Н.В. Калуцков полагает, что в рамках подобного мировидения тартарами могли обозначать также и русских, как жителей далекой, неизвестной земли [Калуцков, 2018: 97]. Можно сказать, что этноним *татары* в сознании европейцев не только соотносился со своим этимологическим значением *чужой человек*, но и имел дополнительную каннотацию, основанную на отэтнонимическом значении лексемы, сдвигающей семантику слова *чужой* в область отрицательных характеристик: пугающий, враждебный.

Для того чтобы проанализировать этнонимический план содержания лексемы *татары* в представлении французов, необходимо определить, кого в своем рассказе они обозначали этнонимом *Tartare(s)*. В связи с этим интерес представляет фрагмент повествования, в котором Ж. Маржерет описывает внешность народов Сибири. Народы эти, по мнению француза, внешне напоминают татар, именуемых ногаями (*des Tartares dits Nagae*): невысокого роста, лицо уплощенное и широкое, маленькие глаза, смуглые, носят длинные волосы, редко имеют бороду. В данном случае татары являются обобщенным референтом при описании других незнакомых этносов.

Ж. Маржерет не только разделяет татар и соседствующие народы, но и дифференцирует татар внутри своей этнической группы. В рассказе французского капитана кроме ногайских татар упоминаются также татары крымские (*le Tartare dit Krim*). В тексте Ж. Маржерета четко выражен территориальный компонент этнической идентичности: татары населяли области, прилежащие к Казани; ногайские татары располагаются за Волгой; крымские татары занимают южные

области европейской части континента. Француз также разделяет татар с точки зрения участия в исторических событиях: ногайские татары вместе с турками держали осаду Астрахани в 1569 г.; крымские татары участвовали на стороне Османской империи в военных действиях в Венгрии в конце XVI в.

В целом этноним *Tartare(s)* в рассказе Ж. Маржерета чаще всего соотносится с образом врага: «*il fait courir le bruit que le Tartare venoit pour fourrager la Russie (распустили слух, что татарский хан идет разорять Россию)*» [Margeret, 1855: 15]. Но, как следует из контекста, татарские набеги зачастую являются лишь слухами, которые используются в политических играх. Масштабы набегов уже не такие большие: татары нападают на границах России, в основном для того, чтобы грабить.

Рассматривая употребление французом этнонима *ногайские татары*, нужно отметить, что название подобного субэтноса не фигурирует в современных официальных названиях субэтносов татарского народа, но его употребление характерно для периода XVI в. Так этноним *Nagayski Tartare* отмечен на карте России С. Герберштейна, изданной в 1546 г. [Кордт, 1899]. Информация о народах российских территорий могла быть частью фоновых знаний француза о России, но об источниках автор не упоминает.

В отличие от Ж. Маржерета, Ж.-Ш. д'Отрош отсылает читателя к обширному материалу, формирующему знания о народах России, с которыми он приехал в страну: книга И.-Г. Гмелина «*Voyage en Sibirie (Путешествие в Сибирь)*»; труд Вольтера «*Histoire de la Russie (История России)*»; книга Аббата Прево «*Histoire générale des voyages (Всеобщая история путешествий)*».

В свидетельстве Ж.-Ш. д'Отроша, основанном на теоретическом материале, значение этнонима *Tartares* также располагается в семантическом поле слова *враг*: *incursions des Tartares (набегу татар)*, *Hordes Tartares (татарские орды)*. По словам француза, орды татар живут на границе России, и русские вынуждены постоянно держать войска на границе страны от озера Байкал до Польши, чтобы охранять империю от набегов татар [D'Aueroche, 1768: 257–263].

Фоновые культурные знания об этносах России позволяют французам решать проблему соотнесенности этнонима *Tartare(s)* и называемого объекта с высокой степенью исторической достоверности. Приведем фрагмент текста, в котором проявляется понимание французом сложности и многообразия формирования этноса, обозначаемого как *Tartars*: «*dans la Nation des Calmouks Zongores... Galdan Tcheren... était Kan des Tartars (в народе калмыков джунгаров... Галдан – Цэрэн... был ханом татар)*» [D'Aueroche, 1768: 246–

297]. Действительно, этногенез калмыков связан с протомонгольскими племенами Центральной Азии, в частности, с древними ойратами, которые в период правления Чингисхана вошли в состав части Монгольской феодальной империи, называемой Джунгария [Агеева, 2000: 139].

Интерес представляют собственные наблюдения французского путешественника. В свидетельстве Ж.-Ш. д'Отроша, очевидца, этноним *Tartare(s)* получает новые значения, отличные от образа врага. Он отмечает дружелюбие, гостеприимство, щедрость татар. Они угощали его медом, сливочным маслом и овощами. Коллективное переживание вкуса хорошей еды является «одним из факторов формирования позитивной этнически маркированной региональной идентичности» [Борисова, 2019: 81]. Положительный образ дополняют такие характеристики, как чистоплотность в быту, доброе отношение к своим женам, благородство в одежде. Он замечает признаки обрусения оседлых татар Казани, позитивное отношение к ним со стороны властей и их преданность «суверену». В конце путешествия Ж.-Ш. д'Отрош, критически осмысливая свои фоновые знания об этнокультурах, пишет, что некоторые авторы отнесли вотяков к числу татар, но он не увидел никакой связи между этими народами. Последнее утверждение иллюстрирует эволюцию смыслового содержания этнонима *Tartare(s)* в результате межкультурного взаимодействия.

Анализ полученных данных позволяет выделить смысловое содержание лексемы *Tartare(s)* в свидетельствах французов XVII и XVIII вв. Оно представлено следующим образом:

XVII век: внешние признаки монголоидной расы; мусульманское вероисповедание; субэтническое деление на казанских, ногайских, крымских татар; территориальное расположение в области Казани, территорий за Волгой, южных районах России и Крыма; особенности взаимодействия татар с Россией: за пределами России татары – союзник Турции, враг, наносящий ущерб на российских границах, в пределах России – народ, сотрудничающий с русской властью.

XVIII в.: увеличивается территориальная и культурная разобщенность татар; выделяются татары – враги России, кочующие за южными границами страны, и татары Казани, частично ассимилирующиеся в российской культуре, характеристики этнической идентичности которых сдвигаются в сторону положительного в представлении француза.

Опыт культурного взаимодействия позволил французским путешественникам идентифицировать объекты номинации этнонима *татары* и расширить объем его дополнительных значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? М., 2000.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
3. *Борисова И.З.* Блины / Стêpes как маркер бретонской региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 80–87.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Речь о французском языке и проблема языкового многообразия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 52–63.
5. *Калуцков В.Н.* Gratter le Russe et vous trouverez le Tartare, или о судьбе одной мифологической страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 87–99.
6. *Кордт В.А.* Материалы по истории русской картографии. Вып. I: Карты по всей России и южныхъ ея областей до половины XVII века. Прил. XI. Киевъ: Типографія С.В. Кульженко, 1899.
7. *Никонов В.А.* Этнонимия // Этнонимы: Сб. статей / Отв. ред. В.А. Никонов. М., 1970. С. 4–30.
8. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 2007.
9. *D'Auteroche J.-C.* Voyage en Sibérie. Vol. 1. P., 1768.
10. *Margeret (Capitaine), Chevreul H.* Etat de l'Empire de Russie et grande duché de Moscovie. P., 1860.

Vera E. Smirnova

DYNAMICS OF SEMANTIC CONTENT OF RUSSIAN ETHNONYMS IN THE DISCOURSE OF THE FRENCH OF THE XVII–XVIII CENTURIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of the semantic content of Russian ethnonyms in the written discourse of the French from the XVII century to the period of active cultural contacts. The object of the research is the ethnonymic lexeme Tartare(s), which is a constant of francophone testimonies, so its content can be considered as a part of the cultural representations of the French about the ethnic structure of Russia at this historical period. The semantic content is analyzed by taking into account the concept of the Russian linguist V.A. Nikonov, according to which the name of ethnic communities can be divided into several levels of meaning: pre-ethnonymic or etymological meaning; post-ethnonymic, which may not develop; and ethnonymic itself, correlated with the designated object. The problematic aspect of determining the semantic content of ethnonyms is the ambiguity of the correlation between the name and the object designated by it. As a result the main components of the semantic content of the ethnonym Tartare(s) were identified as: appearance of the Mongoloid race; Muslim religion; sub-ethnic division into Kazan, Nogai, and Crimean Tatars; disunited territorial location; features of interaction with Russia. The analysis of dynamics revealed trends in changes in the semantic content of the ethnonym Tartare(s), whose connotations shift over the specified period towards

positive values. The image of the enemy in the view of the French is changing to the image of an ally and a Russian national. The increase in the territorial and cultural disunity of the Tatars and the partial assimilation of the Tatar people in Russian culture contributed to this fact. The experience of direct or indirect cultural interaction allowed the French to identify the objects of the nomination of the ethnonym Tartare(s) and expand the scope of its additional meanings.

Key words: ethnonyms; Tartare(s); French discourse; Mongols; peoples of Russia; XVII–XVIII centuries; Tatar sub-ethnic groups; cultural representations; image of the enemy; semantic content; cultural interaction.

About the author: Vera E. Smirnova – Assistant Professor, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: veras777@mail.ru).

REFERENCES

1. Ageeva R.A. 2000. *Kakogo my rodu-plemeni?* [Where did we come from?]. Moscow, Academia Publ. (In Russ.)
2. Benvenist E. 1974. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
3. Borisova I.Z. 2019. *Bliny/Crêpes kak marker bretonskoi regional'noi identichnosti* [Pancakes / Crêpes as a brand of Breton Regional Identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–87. (In Russ.)
4. Zagrzazkina T.Ju. 2013. Rech' o francuzskom jazyke i problema jazykovogo mnogoobrazija [Speech on the French language and the problem of linguistic diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–63. (In Russ.)
5. Kalutskov V.N. 2018. Gratter le Russe et vous trouverez le Tartare, ili o sud'be odnoi mifologicheskoi strany [Scratch a Russian and you will find a Tatar, or about the fate of a mythological country]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 87–99. (In Russ.)
6. Kordt V.A. 1899. *Materialy po istorii russkoi kartografii. Vyp.I: Karty po vsej Rossii i yuzhnykh" eya oblastei do poloviny XVII veka* [Materials on the history of Russian cartography. Issue I: Maps throughout Russia and its southern regions up to the half of the XVII century. Appendix XI.]. Kiev, Printing establishment of C.V. Kulzhenko Publ. (In Russ.)
7. Nikonov V.A. 1970. *Etnonimiya* [Ethnonymics]. In Nikonov V.A. (ed.) *Etnonimy* [Ethnonyms]. Moscow, Nauka Publ, pp. 4–30. (In Russ.)
8. Superanskaja A.V. 2007. *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow, LKI Publ. (In Russ.)
9. D'Auteroche J.-C. 1768. *Voyage en Sibérie*. Vol.1. Paris, Chez Debure.
10. Margeret (Capitaine), Chevreul H. 1860. *Estat de l'Empire de Russie et grande duché de Moscovie*. Paris, Chez le Potier.